
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ

«БОЛЬНОЙ СЧИТАЕТ СЕБЯ ПОЭТОМ...»

О творчестве Вениамина Блаженного*

1

Завершающим аккордом его потрясающе мучительной жизни, как и у любого другого человека, стала Смерть. Но именно Смерть с большой буквы, слово, которое поэт всегда, наравне со словом Бог, писал именно так. Два этих понятия были существом и сутью всего творчества Блаженного, из-за них он был обречен на заведомое непечатанье и безвестность, именно их только и считал достойными своего пера. О смерти заговорил с самых первых своих, еще юношеских, стихов, уже в неполные двадцать четыре года начал называть себя в них стариком, с Богом окончательно «сошелся», если можно так выразиться, на

закате жизни, когда в семьдесят пять лет принял крещение... И было бы, несмотря на кажущуюся кощунственность этих слов, удивительно несправедливым, если бы кончина поэта, всем своим творчеством символизировавшего «приготовление к небесам», оказалась лишь тихим и благодатным уходом в мир иной... Нет, он, казалось, и смерть был приговорен вкушать ужасающую, как отнюдь не случайно прожил всю жизнь с безной женой — и это тоже частица его поэтической судьбы. Как слепота Гомера или глухота Бетховена...

Клавдия Тимофеевна, та красавица-казачка, некогда напрочь разорвавшая все связи с родными, восставшими против ее брака с полунищим странноватым евреем по фамилии Айзенштадт, все эти годы была ему и женой, и нянькой, и секретарем, и защитницей от всех невзгод. Инвалид первой группы, потерявшая ногу на войне, она так никогда и не сумела возвратиться к своей первоначальной профессии медика и провела всю свою трудовую жизнь в инвалидном бюро за печатной машинкой... Когда ее разбил инсульт, поэт окончательно утратил всякий интерес к существованию, даже не вышел на улицу вслед за гробом жены. Не от бессердечия, разумеется, — просто это было выше его истаявших сил. Он и до этого уже лет пятнадцать не выходил из дому по болезни, а тут окончательно впал в беспамятство, пережив свою страдальницу-супругу всего на двенадцать дней и завершив свою брентную связь с этим миром в социальном отделении одной из городских клиник. В свидетельстве о смерти

* В Белоруссии учреждена литературная премия ми. Вениамина Блаженного, лауреатами которой являются и представители «Приокских зорь» — главный редактор журнала и его заместитель Яков Шафран.

записали, что случилось это тридцать первого июля 1999 года. Хотя находившиеся рядом люди утверждают, что умер Вениамин Михайлович на день раньше, тридцатого. Просто в соцотделении тоже своя статистика, кого-то в этот день уже записали в покойники, а за двоих сразу могло и нагореть от начальства...

2

Если развернуть личное дело поэта Вениамина Блаженного, которое хранилось в Союзе писателей (после того, как Союз белорусских писателей разделился, сейчас вообще не известно, куда задевались эти бесценные страницы), нетрудно обнаружить любопытные вещи. Например, узнать, что в писательскую организацию его приняли... в семьдесят лет, спустя четыре с лишним десятилетия после того, как стихи Блаженного заметил сам Борис Пастернак, в доме которого юный нищелюб, как он сам себя называл, был достаточно частым гостем в конце сороковых годов. Интересно, что даже тогда голоса членов Правления СП разделились поровну — десять «за» и десять — «против». И только выступление мудрого Янки Брыля спасло Правление от позднейшего позора — Блаженного в СП приняли. Чтобы, как выяснилось впоследствии, забыть о его существовании на долгие годы.

Впрочем, к тому времени в его творческом багаже была уже книга стихов «Возвращение к душе», изданная при активнейшем содействии Арсения Тарковского не где-нибудь, а в лучшем издательстве страны «Советском писателе», были публикации в «Новом мире», «Знамени», «Дружбе народов», других авторитетнейших изданиях. Был и тощий минский сборничек «Слух сердца», ожидавший своей встречи с читателем долгие десятилетия. Косвенно о перипетиях борьбы за этот сборник свидетельствует хранящаяся в личном архиве автора этих строк копия «внутренней» рецензии, которую написал для издательства один известный поэт. Копию эту мне некогда подарил сам Вениамин Михайлович. Вот что там говорится, например, о стихотворении, посвященном С. Есенину: «Разве укладывается Сергей Александрович — великий русский поэт и человек трагической судьбы в эту убогую мещанскую схему? И какую нужно иметь наглость, чтобы сравнивать свои безграмотные стишата с бессмертными творениями гения!..»

Прошло всего несколько лет и московский журнал «Вопросы литературы» посвятил анализу творчества В. Блаженного объемистое, в полсотни журнальных страниц, исследование, следом «Литературная газета» причислила его к когорте наиболее ярких поэтов двадцатого столетия, а его стихи попали в составленную Евгением Евтушенко уникальную антологию «Строфы века»...

3

Потрясающая вещь — при всей своей внешней мрачности стихи Вениамина Блаженного на удивление светлые и жизнеутверждающие. Как, например, удивительное стихотворение о Моцарте, который «играет в саду на кларнете»:

*Играет в саду ли, играет в аду ли,
Играет в раю ли — какое мне дело,
Когда, словно пух тополиный в июле,
Куда-то в зенит поднимается тело.*

И чем больше невзгод выпадало на долю этого сына щетинщика из местечка Копысь, что на Витебщине, тем чище становился его поэтический голос — чище, не-

смотря на все тяготы жизни. А их было предостаточно — семья щетинщика Михла Айзенштадта была одной из самых бедных в местечке. И когда отец прослышал, что едва подросток странноватый мальчик пишет еще и стихи, то грустно произнес: «Значит, по нищим на всю жизнь пойдет...». И он действительно «пошел по нищим» — и тогда, когда совсем мальчонкой торговал на витебских перекрестках «сельтерской» водичкой, а местные фотографы бесплатно снимали его в обмен на согласие украсить снимком этого кудрявого, ангелоподобного ребенка свои витрины. И тогда, когда учительствовал во время войны в далекой Горьковской области, где единственной отрадой была забытая Богом библиотека, с книгами А. Белого, Ф. Солюгуба, Т. Манна, и он долгими месяцами переписывал эти книги своим бисерным почерком. И тогда, когда возвратился в родную Белоруссию — выше должностей, чем переpletчик или оформитель в инвалидной артели, поэт не занимал никогда. Да и какое там оформительство — штамповал через трафарет буквы «М» и «Ж» для известных заведений... И тогда, когда медики надолго заталкивали его в психушку. С якобы вялотекущей шизофренией. Причем, в качестве симптомов заболевания в истории болезни черным по белому красовалось: «Больной считает себя поэтом...»

Некогда Б. Пастернак протянул ему стопку купюр, рублей четыреста, несметное по тем временам богатство: «Не ходите, ради Бога, голодным, берите, это не последнее...» — «Я не могу есть на деньги Пастернака», — ответил поэт, но купюры взял. Так они и пролежали у него всю жизнь в одном из шекспировских томов. Как дорогая реликвия...

Прожив в Минске почти пять десятилетий, поэт не переставал повторять, что этот город так и не стал родным для него. «Разве назовет заключенный родным место, где его держали в тюрьме?» — не раз произносил поэт, остро переживавший свою оторванность от общего литературного процесса. Хотя оторванность эта была во многих отношениях мнимой. Да и вообще, можно ли изолировать от литературы человека, которому сам Тарковский в одном из писем написал, что не знает, как бы дальше жила и творила Марина Цветаева, имея она возможность прочесть стихи Блаженного? Думается, что подобное попросту невозможно. И уж если текущий литературный процесс практически не оказывал влияния на поэтику Блаженного, то обратная связь очевидна — Блаженный, несмотря на всю свою изолированность, сам влиял, причем, весьма значительно, на литературную жизнь. Никому не следуя, никому не подражая, не имея учеников и последователей, он, тем не менее, сумел не только обнаружить, но и занять весьма заметную нишу в русской поэзии. Нишу, без которой поэзию представить уже невозможно.

Время прижизненных восторгов, сочетавшихся с прижизненным же замалчиванием, равно как и время посмертных покаяний, минуло. Сегодня можно попробовать спокойно разобраться — что же это за феномен такой — поэт Вениамин Айзенштадт, получивший псевдонимы вначале Блаженных, а затем и Блаженный от людей, вроде бы искренне стремившихся помочь поэту познакомить мир со своим словом, оставив в тени фамилию. Как будто можно отделить одно от другого...

Люди, доселе писавшие о поэзии Блаженного, изучали, пусть и скрупулезно, творчество Вениамина Михайловича по его книгам. По сборнику избранных стихов «Сораспятье», например, который увидел свет в одном из негосударственных издательств благодаря активной гражданской позиции известного певца Юрия Шевчука и его товарищей. По сборнику «Стихотворения», выпущенному в Москве незадолго до кончины автора. Блистательная россыпь поэтических сокровищ, особенно во второй книге, составленной с удивительным вкусом. Но в книги эти вошла лишь малая часть из написанного В. Блаженным, одно лишь рукописное наследие которого составляет свыше двадцати толстых, исписанных бисерным почерком, общих тетрадей. И это

только стихи. А ведь есть еще и рассказы, и дневники, и просто философские рассуждения.

Безусловно, все эти материалы еще только ждут своего исследователя. Как безусловно и то, что лишь изучив все написанное пером этого человека можно делать окончательные выводы о масштабах его дарования.

Тематически Вениамин Блаженный, безусловно, достаточно узок — Бог, Смерть, Женщина, родители, «братья наши меньшие», о которых также написано немало стихов. Вот, пожалуй, и все. Когда я однажды сказал поэту, что создается впечатление, будто он всю жизнь пишет одно бесконечное стихотворение, которое затем просто делит на части, он, подумав, согласился. Попросив, правда, задуматься над уровнем лучших «кусочков». Тут крыть было нечем — очень многие вещи, это действительно вершина, причем такая, выше которой подняться практически невозможно:

*И шепнул мне Господь, чтобы боле не ведал я страха,
Чтобы божьей защитой считал я и гибель свою,
Не над гробом моим запоет исступленная птаха —
Исступленную птахой над гробом я сам запою!..*

Поэт ушел в небытие, так и не получив надлежащего размаху своего дарования признания у себя дома, так и не получив никакой моральной, не говоря уже о материальной, компенсации за десятилетия литературных мытарств. Но с удивительным чувством внутренней свободы, обретенной личной духовной истины, о которой другие, куда более внешне благополучные литераторы не могут и мечтать. Ушел (к своему простецкому, совсем не церковному, Богу), оставив нас решать проблему — гений ли он?

*Анатолий Аврутин,
главный редактор журнала «Новая Немига литературная»,
почетный член Союза писателей Беларуси и Союза
русскоязычных писателей Болгарии, лауреат всероссийской
литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова*

ВЕНИАМИН БЛАЖЕННЫЙ

* * *

...Я так и не пойму, что значит быть известным.
Известны ль облака? Известна ли гроза?
Так почему и мне по тем стезям небесным,
Слезами изойдя, свой путь пройти нельзя?

Лесного соловья не кличут Евтушенко,
Не издают рулад в миллионном тираже,
Но все же соловей рифмует задушевно,
Чтоб в песне дать остыть взволнованной душе.

Зачем же мне стихи предать людской огласке?
«Ах, вот оно о чем!» «Ах, это неспроста!»
Пусть люди на меня взирают без опаски,
Я, в сущности, Аким, к тому же простота.

Я сроду не имел в запасе корки хлеба,
Мне нудный разговор житейский — не с руки...
Я из породы тех, кто сеял в землю... небо
И жил, «шалтай-болтай», как в поле сорняки.

Впритирку к облакам, живу, не зная толка:
Дождем ли расшибусь, истаю ль в синеве...
И долго ль буду жить, иль буду жить недолго —
Об этом не грустит, не помнит соловей.

А слава... Но нигде — ни в чашах, ни в дубравах,
Ни в рощах, ни в полях, ни в зарослях болот
Я, право, не встречал такой пичуги — слава.
...Должно быть, этот вид пернатых не поет.

* * *

Сколько лет нам, Господь?.. Век за веком с тобой мы стареем...
Помню, как на рассвете, на въезде в Иерусалим,
Я беседовал долго со странствующим иудеем,
А потом оказалось — беседовал с Богом самим.

Это было давно — я тогда был подростком безусым,
Был простым пастухом и овец по нагориям пас,
И таким мне казалось прекрасным лицо Иисуса,
Что не мог отвести от него я восторженных глаз.

А потом до меня доходили тревожные вести,
Что распят мой Господь, обучавший весь мир доброте,
Но из мертвых воскрес — и опять во Вселенной мы вместе,
Те же камни и тропы, и овцы на взгорьях все те.

Вот и стали мы оба с тобой, мой Господь, стариками,
Мы познали судьбу, мы в гробу побывали не раз
И устало садимся на тот же пастушеский камень,
И с тебя не свожу я, как прежде, восторженных глаз.

РОДОСЛОВНАЯ

Отец мой — Михл Айзенштадт — был всех глупей в местечке.
Он утверждал, что есть душа у волка и овечки.

Он утверждал, что есть душа у комара и мухи.
И не спеша он надевал потрепанные брюки.

Когда еврею в поле жаль подбитого галчонка,
Ему лавчонка не нужна, зачем ему лавчонка?..

И мой отец не торговал — не путал счета в сдаче...
Он черный хлеб свой добывал трудом рабочей клячи.

— О, эта черная страда бесценных хлебных крошек!..
...Отец стоит в углу двора и робко кормит кошек.

И незаметно он ногой выделяет танец.
И на него взирает гой, веселый оборванец.

— «Ах, Мишка — "Михеле дер нар" — какой же ты убогий!»
Отец имел особый дар быть избранным у Бога.

Отец имел во всех делах одну приметку — совесть.

.....

...Вот так она и родилась, моя святая повесть.

* * *

Душа, проснувшись, не узнает дома,
Родимого земного шалаша,
И побредет, своим путем влекома...
Зачем ей дом, когда она — душа?

И все в пути бредя необратимом
Просторами небесной колеи,
Возьмет душа мое земное имя
И горести безмерные мои.

Возьмет не все их, но с собой в дорогу
Возьмет душа неодолимый путь,
Где шаг за шагом я молился Богу
И шаг за шагом изнывал от пут.

Какой-то свет таинственный прольется
На повороте времени крутом.
Но цепь предвечная не разомкнется
Ни на юдольном свете, ни на том.

* * *

Какое мне дело — я мальчик, и только...

Дм. Петровский

Какое мне дело — живой или мертвый
Со мною поет в этом дружном дуэте,
Уже разложил я волшебные ноты,
А Моцарт играет в саду на кларнете.

Играет в саду ли, играет в аду ли,
Играет в раю ли — какое мне дело,
Когда, словно пух тополиный в июле,
Куда-то в зенит поднимается тело.

Когда становлюсь я летающим пухом,
Прошитым иголками знойного света,
И слушаю, слушаю трепетным ухом
Мелодию непреходящего лета.

И Моцарта слушают даже пичуги,
И робко посвистывают в отдаленье,
И вдруг замолкают в сладчайшем испуге,
В сладчайшем испуге, в сладчайшем томленьи...

БЛАЖЕННЫЙ

Как мужик с топором, побреду я по божьему небу.
А зачем мне топор? А затем, чтобы бес не упер
Благодати моей — сатане-куманьку на потребу...
Вот зачем, мужику, вот зачем, старику, мне топор!

Проберется бочком да состроит умильную рожу:
Я-де тоже святой, я-де тоже добра захотел...
Вот тогда-то его я топориком и огорошу —
По мужицкой своей, по святейшей своей простоте.

Не добра ты хотел, а вселенского скотского блюда,
Чтоб смердел сатана, чтобы имя святилось его,
Чтоб казался Христом казначей сатанинский — Иуда,
Чтобы рыжих иуд разнеслась сатанинская вонь...

А еще ты хотел, чтобы кланялись все понемногу
Незаметно, тишком — куманьку твоему сатане,
И уж так получалось, что молишься Господу-Богу,
А на деле — псалом запеваешь распутной жене...

Сокрушу тебя враз, изрублю топором, уокошу,
Чтобы в ад ты исчез и в аду по старинке издох,
Чтобы дух-искуситель Христовых небес не тревожил,
Коли бес, так уж бес, коли Бог — так воистину Бог...

ДУРДОМ

...Тогда мне рваный выдали халат
И записали имя Айзенштадта.
Я сразу стал похож на арестанта.
А впрочем я и был им — арестант.

Окно в решетке, двери на ключе,
Убогость койки и убогий разум...
Свирепость отчужденная врачей,
Свирепость санитарок яроглазых.

Расталкивая шваброй и ведром
Понурых, словно обреченных казни,
Они на нас обрушивали гром
Своей исконной бабьей неприязни.

Обед с нехваткой места за столом...
Но удавалось сбоку примоститься,
А кто и стоя — этаким столбом —
Ладони обжигал горячей миской.

И каждый был и лишний, и ничей...
Мы были сыты — с голоду не пухли:
С капустой обмороженною щи
Казались блюдом королевской кухни.

«Налопались?.. Теперь айда во двор...»
Я пер, как все, зачем-то шагом скорым...
— О, Боже, как ужасен твой простор,
Темничным огороженный забором!..

ГОГОЛЬ

Дм. Мережковскому

Что за страшная ночь: мертвяки да рогатые черти...
Зашвырнут на рога да и в ад напрямиком понесут...
Ох, и прав был монах — приучить себя надобно к смерти...
Переполнила скверна земная скудельный сосуд...

Третьи сутки во рту ни зерна, ни росинки; однако
Был великий соблазн, аж колючий по телу озноб...
Предлагал чернослив сатана, искуситель, собака!..
Да еще уверял, что знакомый приходский де поп!..

Я попа-то приходского помню, каков он мужчина,
Убелен сединою, неспешен, хотя и нестар...
А у этого — вон: загорелась от гнева личина,
Изо рта повалил в потолок желтопламенный пар.

А потом обернулся в лохматого пса и залаял!
Я стоял на коленях, крестился резвей и резвей:
— Упаси мя, Господь, от соблазна, раба Николая!..
— Сбереги мою душу, отец мой духовный, Матвей!..

...А когда прохрипели часы окаянные полночь,
Накренился вдруг пол и поплыл на манер корабля,
Завопила вокруг ненасытная адская сволочь,
Стало небо пылать, зашаталась твердыня-земля.

Я стоял, как философ Хома: ни живой и ни мертвый...
Ну как веки поднимет и взором пронзит меня Вий?..
А потом поглядел в потолок: чьи-то руки простерты,
Чьи-то длани сошли, оградили в Господней любви...

Третьи сутки пощусь... Третьи сутки во рту ни росинки...
Почему мне под утро пригрезилась старая мать?..
Помолись обо мне, не жалея материнской слезинки...
Сочинял твой сынок, сочинял, да и спятил с ума...

* * *

Вот женщина — она встревожена,
Что мужичонка захудалый
Не воздает ей как положено,
А ей нужны дворцы и залы,
И лесть и грубая, и тонкая,
И даже царская корона,
Чтоб утверждать над мужичонкою
Свою гордыню непреклонно.

Вот женщина — она купается
И не таит своей отваги,
И все ей, грешнице, прощается,
Она ведь тоже вся из влаги,—
Текуче лоно плодоносное,
Текучи груди — два потока,
И все течет, и все уносится,
И все прекрасно и жестоко...

Вот женщина — она доверчиво
Стоит, как вечности порука...
Вселенная ведь тоже женщина
И, стало быть, ее подруга.
Она расчесывает волосы
И вся трепещет, как мембрана,
И вся, как вечность и как молодость,
Творит и гибнет неустанно.

* * *

В калошах на босу ногу,
В засаленном картузе
Отец торопился к Богу
На встречу былых друзей.

И чтобы найти дорожку
В неведомых небесах,—
С собой прихватил он кошку,
Окликнул в дороге пса...

А кошка была худою,
Едва волочился пес,
И грязною бороною
Отец утирал свой нос.

Робел он, робел немало,
И слезы тайком лились,—
Напутственными громами
Его провожала высь...

Процессия никудышных
Застыла у божьих врат...
И глянул тогда Всевышний,
И вещей потупил взгляд.

— Михоэл,— сказал Он тихо,—
Ко мне ты пришел не зря...
Ты столько изведал лиха,
Что светишься, как заря.

Ты столько изведал бедствий,
Тщедушный Мой богатырь...
Позволь же и Мне согреться
В лучах твоей доброты.

Позволь же и Мне с сумою
Брести за тобой, как слепцу,
А ты называйся Мною —
Величье тебе к лицу...

* * *

У женщин не стареют голоса,—
Или с тобой одной такое чудо?..
Откуда этот голос?.. Ниоткуда.
Но почему он свежий, как роса?

Мы столько лет не виделись с тобой,
Что впору говорить не о разлуке —
О смерти... Но растут из смерти звуки,
И даже звук становится судьбой...

ДЕВОЧКА

Та девочка,— а я ей был смешон,—
Ходила, как мальчишка, в грубых гетрах.
Она дружила с ветром и с мячом,
И с веслами, и с теннисной ракеткой.

И странно: столько лет и столько зим —
Событья, перемены, годы, лица,—
А девочка мерещится вблизи,
А девочка хохочет и резвится...

Она стоит, откинувшись слегка,
Беспечная, у сетки волейбольной,

И сквозь нее проходят облака,
Проходят дни и годы, и века...
Ей хоть бы что — ни холодно, ни больно.

БЛАЖЕННЫЙ

Все равно меня Бог в этом мире бездомном отыщет,
Даже если забьют мне в могилу осиновый кол...
Не увидите вы, как Спаситель бредет по кладбищу,
Не увидите, как обнимает могильный Он холм.

— О, Господь, ты пришел слишком поздно, а кажется — рано,
Как я ждал Тебя, как истомился в дороге земной...
Понемногу землей заживилась смертельная рана,
Понемногу и сам становлюсь я могильной землей.

Ничего не сберег я, Господь, этой горькою ночью,
Все досталось моей непутевой подруге — беде...
Но в лохмотьях души я сберег Тебе сердца комочек,
Золотишко мое, то, что я утаил от людей.

...Били в душу мою так, что даже на вздох не осталось,
У живых на виду я стоял, и постыл, и разут...
Ну а все-таки я утаил для Тебя эту малость,
Золотишко мое, неразменную эту слезу.

...Ах, Господь, ах, дружок, Ты, как я, неприкаянный нищий,
Даже обликом схож и давно уж по-нищему мертв...
Вот и будет вдвоем веселей нам, дружкам, на кладбище,
Там, где крест от слезы — от Твоей, от моей ли — намок.

Вот и будет вдвоем веселее поэту и Богу...
Что за чудо — поэт, что за чудо — замызганный Бог...
На кладбище в ночи обнимаются двое убогих,
Не поймешь по приметам, а кто же тут больше убог.

* * *

Я всего лишь душа, а душе быть положено нищей
И оглядываться, не бредет ли за нею костлявая тень,
И положено ей ночевать на забытом кладбище,
Паутинкою тонкою где-то висеть на кресте...

Я всего лишь душа, а душа это только свобода,
Та свобода, которая бродит с дорожной клюкой и сумой
И грозит небесам императорским жезлом юрода —
Почему оно, небо, как пес, увязалось за мной?..

* * *

Разыщите меня, как иголку, пропавшую в сене,
Разыщите меня — колосок на осенней стерне,—

Разыщите меня — и я вам обещаю спасенье:
Будет Богом спасен тот, кто руки протянет ко мне!..

Разыщите меня потому, что я вешее слово,
Потому, что я вечности рвущаяся строка,
И еще потому, что стезя меня мучит Христова,
Разыщите меня — нищebroда, слепца, старика...

Я не так уж и слеп, чтобы вас не увидеть, когда вы
Забредете в шалаш, где прикрыта дерюгою боль
И где спрячу от вас я сияние раны кровавой,—
Я боюсь — я боюсь, что в руках ваших ласковых — соль...

* * *

Этот странный любовный недуг,
Когда женщина, вовсе чужая,
Самой близкою кажется вдруг —
И лицо полыхает от жара...

Как же мог я ее упустить,
Как я мог прозевать это чудо?..
Но ведь вся она — миг во плоти
И бог весть появилась откуда...

Я не видел таких никогда,
Словно мне на ладони упала
Замечтавшаяся звезда,
Неземного осколок металла...

Но она не бездушный металл,
А телесная жгучая тайна...
Я ее полстолетья искал,
А другой ее любит случайно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ДУШЕ

Где б ни был ты, в толпе или в глуши,
Погрыз ли в дрязгах грешного расчета,
Тебя пронзит звериный крик души,
Стучащей, словно нищенка, в ворота.

Ты жил, уйти от вечности спеша,
Греша в своей беспамятной дороге...
И вот она — стоит твоя душа
У смерти на затоптанном пороге.

* * *

Беспризорные вещи умерших людей,
Те, что пахнут, как пылью, тоской,
Попадают к старьевщику или в музей
И на свалке гниют городской...

Беспризорные вещи, что помнят живых,
Их движенья, привычки, тела...
Сколько время им ран нанесло ножевых —
И прикончило из-за угла...

Беспризорный халат, непризорный жилет
На краю одиноком стола,
Беспризорная трубка — и пыль на столе,
И — шепоткою — пепел, зола...

Беспризорные вещи как вестники бед,
Их молчание, их серизна...
Что-то грозное есть в их бездомной судьбе,
Что-то вешее, ждущее нас.

* * *

Я к Богу подойду на расстояние плача,
Но есть мышинный плач и есть рыданье льва,
И если для Христа я что-либо да значу, —
Он обретет, мой плач, библейские права...

Я к Богу подойду в самозабвенье стона,
Я подойду к Нему, как разъяренный слон,
Весь в шрамах грозных смятенья и урона, —
Я подойду к Нему, как разъяренный стон...

Но есть и тишина такой вселенской муки,
Как будто вся душа горит в ее огне, —
И эта тишина заламывает руки,
Когда ничто, ничто ей не грозит извне.

* * *

Я мог бы и тогда сказать вам простодушно:
«Не трогайте меня», когда еще был мал
И улетал в зенит стезей своей воздушной,
Куда меня поток воздушный поднимал.

Я мог бы и тогда сказать вам всем строптиво:
«Не трогайте меня, сумеете обуздать
Всегдашнюю свою дотошную ретивость
И дайте мне свой срок до срока отстрадать...»

Я мог бы и тогда все высказать упреки,
Но со своей тоской томился в немоте:
«О, Боже, — как с Тобой вдвоем мы одиноки, —
Не те мы в небесах и на земле не те...»

* * *

Я больше не буду с сумой побираться
И прятать за пазухой крылья нелепо,
Пора мне поближе к себе перебраться,
Пора мне вернуться в Господнее небо.

Пора мне на небо ступить осторожно,
Пора мне коснуться лазури устами...
Пускай мое сердце забьется тревожно,—
Я вновь на пороге своих испытаний.

И в небе разбуженного восторга
Шепну я, пришлец, обливаясь слезами:
— Ах, вот она, Бог мой, та черствая корка,
Что я для Тебя сберегал в мирозданье!..

* * *

Опять я нарушил какую-то заповедь Божью,
Иначе бы я не молился вечерней звезде,
Иначе бы мне не пришлось с неприкаянной дрожью
Бродить по безлюдью, скитаться неведомо где.
Опять я в душе не услышал Господнее слово,
Господнее слово меня обошло стороной,
И я в глухоту и в безмолвие слепо закован,
Всевышняя милость сегодня побрезгала мной.
Господь, Твое имя наполнило воздухом детство
И крест Твой вселенский — моих утоление плеч,
И мне никуда от Твоих откровений не деться,
И даже в молчанье слышна Твоя вещая речь.

* * *

Я не просто пришел и уйду,
Я возник из себя не случайно,
Я себя созерцал, как звезду,
А звезда — это Божия тайна.
А звезда — это тайна небес,
Тайна вечности животворящей,
И порой затмевался мой блеск,
А порой разгорался все ярче...
Но я был бы совсем одинок,
Потерял во Вселенной дорогу,
Если б мне не сопутствовал Бог,
Возвращал к правоте и истоку.
И я понял, откуда огонь:
Это Кто-то с отвагой святою
Положил мне на сердце ладонь —
И оно запылало звездой...

* * *

Когда бы так заплакать радостно,
Чтобы слеза моя запела
И, пребывая каплей в радуге,
Светилось маленькое тело.
Чтобы слеза моя горчайшая
Была кому-то исцеленьем,
Была кому-то сладкой чашею
И долгой муки утоленьем.
Когда бы так заплакать бедственно,
Чтобы смешались в этом плаче
Земные вздохи и небесные,
Следы молений и палачеств.
Заплакать с тайною надеждою,
Что Бог услышит эти звуки —
И сыну слабому и грешному
Протянет ласковые руки...

СТИХИ УХОДА

Больше жизни любивший волшебную птицу — свободу,
Ту, которая мне примерещилась как-то во сне,
Одному научился я гордому шагу — уходу,
Ухожу, ухожу, не желайте хорошего мне.

Ухожу от бесед на желудок спокойный и сытый,
Где обширные плечи подсчитывают барыши...
Там, где каждый кивок осторожно и точно рассчитан,
Не страшит меня гром — шепоток ваш торгаший страшит.

Ухожу равнодушно от ваших возвышенных истин,
Корифеи искусства, мазурики средней руки,
Как похабный товар, продающие лиры и кисти,
У замызганных стоек считающие медяки.

Ухожу и от вас — продавщицы роскошного тела,
Мастерицы борщей и дарительницы услад,
На потребу мужей запустившие ревностно в дело
И капусту, и лук, и петрушку, и ляжки, и зад.

Ах, как вы дорожите подсчетом, почетом, покоем —
Скупердяи-юнцы и трясущиеся старички...
Я родился изгоем и прожил по-волчьи изгоем,
Ничего мне не надо из вашей поганой руки.

Не простит мне земля моей волчьей повадки сутулой,
Не простит мне гордыни домашний разбуженный скот...
Охромевшие версты меня загоняют под дула,
И ружейный загон — мой последний из жизни уход.

Только ветер да воля моей верховодили долей,
Ни о чем не жалею — я жил, как хотелось душе,
Как дожди и как снег, я шатался с рассвета по полю,
Грозовые раскаты застряли в оврагах ушей.

Но не волк я, не зверь — никого я не тронул укусом;
Побродивший полвека по верстам и вехам судьбы,
Я собакам и кошкам казался дружком-Иисусом,
Каждой твари забитой я другом неназванным был.

...Если буду в раю и Господь мне покажется глупым
Или слишком скупым, или, может, смешным стариком,—
Я, голодный, как пес, откажусь и от райского супа —
Не такой это суп — этот рай — и Господь не такой!..

И уйду я из неба — престольного Божьего града,
Как ушел от земли и как из дому как-то ушел...
Ухожу от всего... Ничего, ничего мне не надо...
Ах, как нищей душе на просторе вздохнуть хорошо!..

Михаил Майоров
(г. Тула)

**ЧААДАЕВЫ, НЕПЕНИНЫ, ТОЛСТЫЕ —
«СУМАСШЕДШАЯ» ГОРДОСТЬ ЗЕМЛИ ТУЛЬСКОЙ**

*«Если вы есть — будьте первыми,
Первыми, кем бы вы ни были...»*

Р. И. Рождественский

Потомки рода Чаадаевых покоятся на тульском Всехсвятском кладбище. Они — из тульских дворян, и об этом никто не знает...

Патриот в настоящем, не извращенном довлеющей военной идеологией значении, — это не тот, кто расхваливает все родненькое и взамен того, чтоб превратить «черненьких» (выражение М. Горького) в «беленьких», делает вид, что любит «черненьких». Патриот — не тот, кто прославляет отечество по поводу и без, а тот, кто не страшится истин.

Патриоты в России чаще происходили из приезжих («выезжих») родов, чем от сохи. Потому что «выезжие» много повидали, у них накопилось больше опыта, поэтому они заметно отличались от тех, что выцарапали себе дворянство аферами и способом Максим-Петровича. Они наследовали от предков работу мысли, энергетику, а итогом стала определяющая роль в развитии культуры и производства. В данном случае я говорю о трех династиях, связанных принадлежностью к тульской земле, родством, знакомствами. Это Чаадаевы, Непенины и графская ветвь рода Толстых.

«В “Родословной книге князей и дворян российских и выезжих”, называемой также “Бархатной книгой”, записано: “Чаадаевы. Выехали из Литвы. Название получили от одного из потомков выехавшего и прозывавшегося Чаадай, но почему, неизвестно”. В поколенной росписи дворян Чаадаевых родоначальником назван “Левкей прозвище Суббота”...» [1, с. 5]. Прапрадед декабриста, публициста-философа Петра Яковлевича Чаадаева (27.5(7.6).1794—14(26).4.1856), Иван Артемьевич Чаадаев всю жизнь старался расширять владения, и в результате они от наследственных деревень Арзамасского уезда куда только не протянулись, вплоть до Тульской губернии. Но тут есть загвоздка. В 2002 я консультировался в Московском дворянском собрании, где же именно располагались имения Чаадаевых «у нас», и услышал лишь: «Да, Чаадаевы были тульскими помещиками, но все надо уточнять, а ушедшее в историю землевладение сегодня никого не интересует». Это правда. В последние годы тульскую культурную «элиту» охватил усадебный эпатаж, написали три тяжелых (во всех смыслах) тома, и ничего нового в них нет. По истории помещиков обратиться не к кому. Современные кропатели диссертаций помешались на войне, а девятнадцатый век лег в могилу вместе с Н. Я. Эйдельманом.

Если отправляться, как и следует, от слова, от имени и не спрашивать историков, 90 % которых не интересует семантика, то любой филолог засомневается в этой литовской привязке. Слабой зацепкой может показаться лишь удвоенное «а» (Чаадаев), но это ближе к эстонскому языку, а выходцев из Эстонии я что-то даже в самых похабных, заказных родословных изводах не вижу. Везде Литва, а литовский язык — чуть ли не славянский санскрит. Кто им владеет, тот разберется в основах восточно-

славянской этимологии. Так что ангажированные писарчуки — составители всяких «Бархатных книг» — пусть себе спокойно вертятся в аду за сотворенные лжесвидетельства, а мы будем апеллировать исключительно к ученому миру. Интуиция подтвердила мои предположения после обращения к трудам академика С. Б. Веселовского, весьма, кстати, скромного человека, всегда опасавшегося кумиризации и чужой, и собственной. Природа, помимо исторического, дала ему языковое чутье, это редчайший случай для историков, а паче того — археологов. От позиции «Чаадаев» Степан Борисович немедленно отсылает читателя к Чегодаевым (вот это и радует логикой): «Чегодай (Чеадай, Чаадай, Чеодай) Василий Васильевич Матвеев, вторая половина XV в.; ср. недалеко от Мурома его вотчина — село Чегодаево; от него — Чегодаевы, позже Чеадаевы и Чаадаевы <...>. Чегодай — собственное имя (татар.); русская форма — Джагатай [Ср. Чагадаев]» [2]. Вот как: Джагатай! Полная Литва, безбрежная и безусловная (как чуть далее то же будет с Толстыми). Следовательно, не зря «Бархатную книгу» как «шедевр» русского источниковедения до сих пор никому неохота переиздавать.

Борис Генрихович (на титулах: Б.-О.) Унбегаун в главе «Фамилии тюркского происхождения» тоже вложил лепту о Чаадаевых с использованием транскрипции: «Чаада́ев, Чада́ев, Чегода́ев < Çağataj, тюркский племенной союз, названный по второму сыну Чингиз-Хана < çağatāj ‘белесый’>» [3]. Это ближе к Веселовскому, а значит, и к истине, ибо основано на лингвоанализе.

Если здесь же не забывать и о татарских князьях Чегодаевых (которых за неимением доказательств невозможно притянуть к роду Чаадаевых), то они, по меньшей мере, в языковом отношении имеют право соседствовать с нашими героями в филологическом изыскании как жители Руси с 1524 [4], то есть на век позже лица, указанного Веселовским. Причем татарские князья ведут происхождение «от князя Хозяша Чегодаева, сына Саканского (Соканского)» [Там же]. Из этой династии Анна Яковлевна Чегодаева, бывшая за Феодосием Ивановичем Ахматовым, приходилась родной бабкой Анне Егоровне Мотовиловой, которая обвенчалась с полицаем-мемуаристом Эразмом Ивановичем Стоговым и стала бабкой Анны Андреевны Ахматовой. Вот куда ведут генеалогические тоннели. Только неясно, имела ли отношение А. Я. Чегодаева к этому поволжскому княжескому роду.

И в заключение этимологической темы добавим соображения еще двух отечественных исследователей. В них, несмотря на частичное дублирование уже приведенных версий, есть любопытные дополнения, но главное для настоящего контекста — упоминание Тулы (общий курсив опушу вследствие внутреннего): «**ЧААДАЕВ**. Чегодаев. Отчество от нецерковного мужского личного имени Чегодай, в русском произношении также и Чаадай: в г. Невеле <Вот откуда Литва-то!— М. М.> воевода Чаадай Спешнев (1633); помещик Чегодай Ожерельев (1507). Имя монгольского происхождения, его носил один из сыновей Чингисхана, он получил во владение огромную территорию, население которой называли чегодаи (фонетический вариант — чагатаи), само имя из этнонима. Фамилия существует в Воронеже, Калуге, Туле, Владимире, а в форме Чадаев — в Рязани, Орле (и области) [5]. Сильнейшим подтверждением хождения формы Чадаев является наличие ее на табличках уже упомянутых могил на Всехсвятском: там проставлено «Чадаевы».

И второе. Вновь-таки с отсылкой от «Чаадаева» к «Чегодаеву» (также снимаю общий курсив): «**ЧЕГОДАЕВ**. Чегодай — из тюркского имени Чагатай (от названия племени). Так звали, в частности, второго сына Чингисхана. Фамилия Чегодаев иногда изменялась в Чаадаев, Чадаев» [6]. Таким образом, все ученые солидарны в последовательной связи двух основных вариантов: Чегодаевы → Чаадаевы. Единственная оговорка, которую я позволю себе сделать исходя из сопоставлений и историче-

ских реалий, требует не во всем доверять этим авторам, так как во многих других случаях замечаются нелепые, буквально народные, сказочные толкования.

Переходя от этимологии фамильных прозвищ к личностям, мы вряд ли почувствуем большую разницу между этими темами. Общая генеалогия Чаадаевых только кажется компактной и «легкой». На самом деле она «рваная», с ней толком никто не работал (в этом можно убедиться на примере родства с Непениными). Происхождение от буйных татар (про литовцев больше не надо) дало удивительные плоды. Так называемый сумасшедший философ П. Я. Чаадаев, коего советские дилетанты от словесности объявили прототипом А. А. Чацкого (на самом деле этим прототипом была историческая личность — депутат польского сейма с той же фамилией Чацкий), поневоле «наследовал» участь собственного деда. Родной дядя П. Я. Чаадаева Иван Петрович Чаадаев участвовал в комиссии о составлении нового Уложения (что-то вроде общегосударственного устава, но не конституции в современном значении) и остервенело вместе с историком кн. М. М. Щербатовым защищал там права дворянства, требуя аннулировать петровские законы, «в которых стиралась грань между родовитым и чиновным дворянством» [1, с. 8]. В противовес «здравомыслящему» И. П. Чаадаеву история зафиксировала «сумасшествие» деда Петра Яковлевича — капитана лейб-гвардии Семеновского полка Петра Васильевича Чаадаева (1720—1793). Со ссылкой на записки Екатерины II биограф П. Я. Чаадаева указывает, что П. В. Чаадаев в 1743, после какой-то неудачной ревизии о числе душ, возомнил себя персидским шахом, был насильно помещен в лечебницу и в присутствии Елизаветы Петровны прошел процедуру «изгнания злого духа» столичными попами, но мания величия у него не прошла. Зная, как пишутся подобные «мемуары», как они потом выхлещиваются, а главное, кем используются, я могу утверждать, что для фарса с мнимым сумасшествием Петра Яковлевича Чаадаева при Николае I послужили именно тексты «Фелицы» — один из самых неблагонадежных и провокационных литературных источников. Это заслуга царских спецслужб, которые, в противовес современному, отличались начитанностью. А о том, что даже Екатерина II признавала: «...находились сомневавшиеся в сумасшествии Чаадаева, поскольку во всем остальном Петр Васильевич отличался отменным здравомыслием. Ходили слухи, что он притворялся сумасшедшим...» [там же, с. 6], упоминать было политически невыгодно, и эти ее слова пропускались мимо ушей.

Неблагонадежные Чаадаевы пересеклись родством с мелкопоместными дворянами Непениными и графами Толстыми. О первых почти ничего неизвестно. Отрывочные сведения о Непениных собрали псковские историки, выложив их в Сеть. Но прямая связь боевого офицера, члена Союза благоденствия Андрея Григорьевича Непенина (30.11(11.12.)1782, г. Архангельск — 12(24).11.1845, Москва), женатого на Е. Ф. Чаадаевой, с однофамильцами не прослеживается. Поскольку его отец, Григорий Ефимович Непенин (?—1810), который выслужился из солдат до прапорщика, а с декабря 1796 служил коллежским ассессором, передал детям право потомственного дворянства, то и Андрей Непенин должен быть так или иначе родственником хотя бы тем же псковским Непениным. Матерью А. Г. Непенина была архангельская купеческая дочь Ульяна Никифоровна, р. Зыкова (?—1832), а собственных детей у него не было. Жена Непенина — тульская дворянка Екатерина Федоровна Чаадаева (7(18).11.1793—23.6(5.7).1869) [7]. Ее братья — Николай Федорович Чаадаев (1782—1816), Михаил Федорович Чаадаев (1789—?), лейтенант Алексей Федорович Чаадаев и Владимир Федорович Чаадаев — чернские помещики (с. Селезневка и с. Успенское, Бобрики тож) и крапивенские (сельцо Михайловское); сестра — Павла Федоровна Чаадаева, замужем за купцом Иваном Афанасиевичем Амосовым. Ни об одном из этих лиц неизвестно более того, что сказано здесь.

В родословной Чаадаевых встречаются два Федора — Федор Васильевич (?—1731) и Федор Петрович (1750—1777), родной дядя «басманного философа» (прозвище П. Я. Чадаева). Но даже если возникает соблазн вообразить этого второго Федора тестем А. Г. Непенина, это вызовет определенные сомнения, ибо в таком случае жена Непенина никак не может являться его дочерью. А третьего Федора нет, поэтому связь и рвется.

Обращаясь к тем же источникам теперь уже за фамилией Непенины, мы ее в этом варианте не находим ни у кого, разве что Веселовский упоминает похожие формы «Непея, Непейн». По своей географии они, действительно, близки к северу, если помнить, что Андрей Григорьевич происходил из Архангельска. У Веселовского: «**Непея, Непенин:** Непея Григорьевич Вологжанин, в посольстве в Англию, 1556 г.; Рудак <...> вотчинник, середина XV в., Кострома» [8]. Позднейшее внедрение «н» в фамилию Непейн вполне возможно. Таким образом, ситуация с этой фамилией намного темнее, чем с Чаадаевыми.

К сожалению, А. Г. Непенин не оставил литературного наследства, да и вообще его род больше связан с военными деятелями (в Сети все есть). И портрет его пока не найден (а может, и не был написан). Но, вплетаясь в паутину дворянского родства, узнаем, что друг В. Ф. Раевского («В чем заключались же вольнодумные мнения, кои старался распространять майор Раевский и за допущение коих в полку вы подверглись наказаниям? — На вольнодумные разговоры майора Раевского с офицерами доносили юнкера в Кишиневе <...> в дивизионной квартире; почему и были офицеры допрашиваны поодиночке корпусным командиром Сабанеевым, и что они показывали, мне неизвестно» [9]), блестящий полковник, герой Отечественной войны, кавалер боевых орденов и Золотой шпаги с надписями Андрей Григорьевич Непенин — едва заметный, но обязательный элемент в диадеме тульской просопографии. С июля 1826 по декабрь 1835 он жил в имении В. Ф. Чаадаева в Локне Крапивенского у. Тульской губ. [7] и помогал упомянутому шурина по хозяйству. Не возникает сомнений, что, доживи он до крестьянских реформ, присоединился бы к энергичному М. М. Нарышкину, который у себя в Высоком начал земельные преобразования еще до Александровских указов. Но с 26 января 1842 Непенин добился права жить в Москве, где через три года какая-то неуказанная хворь свела его в могилу при Покровском монастыре. Туда же затем положили его вдову, но с началом 1920-х дворянские и купеческие захоронения стали мишенями комсомолки, сиречь грабителей, так что могилы Непениных были, судя по всему, разрыты, ограблены и затерялись. Основным мотивом причисления Непенина к неблагонадежным стало всего лишь знакомство с Раевским и какое-то странное, скорее, номинальное участие в Союзе благоденствия. Меня (М. В. Майорова) абсолютно не интересуют конъюнктура и смена политических симпатий, которыми нас прессингуют СМИ. Боязнь декабристов страдают темнейшие, самые невежественные элементы общества, люмпены либо просто трусы (ударение — на выбор читателя). Они точно так же опасаются и сторонятся ученых, необычных художников, архитекторов, диссидентов. На улицах в последние годы появились провокационные «патриотические» плакаты «Забыть — значит предать!», относящиеся исключительно к избранному периоду истории — всем известно какому, а именно тому, который удобен политическим спекулянтам. Но такие же попытки забыть лучших людей девятнадцатого века едва ли не приветствуются. По меньшей мере, не пресекаются. Но эту подлую эпоху мы как-нибудь переждем. Биографические справки обо всех участниках оппозиции 1820-х, связанных с тульским краем, вошли в новое издание [10], а исследования будут продолжаться, невзирая на то, что тема истинного и ложного патриотизма давно убрана из школьной программы.

Вернемся к началу статьи и оттолкнемся вновь от Чаадаевых. Предки иной раз

оказываются знакомыми нам больше, чем потомки. Прадед философа Василий Иванович Чаадаев (1715—25.3(5.4).1756) был женат на княжне Анастасии Ивановне Волконской (?—1735), а их сын Петр Васильевич — на графине Марии Ивановне Толстой (6(17).1.1720—4(15).1.1743) Ее отец ни за что пострадал при Петре II: был сослан на север вместе с отцом своим графом Петром Андреевичем Толстым. Это кратковременный министр юстиции (1711) граф Иван Петрович Толстой (1685—7(18).6.1728). Он умер в подземном каземате в полной тьме от голода и холода, но до отъезда успел жениться и оставить сына (графа Андрея по прозвищу «Большое гнездо»), от которого пошло огромное потомство, включая трех самых известных писателей — графов Толстых. Все они, таким образом, отдаленные потомки Чаадаевых. Стоит ли удивляться, что при таком родстве к этой линии Толстых принадлежали самые знаменитые мыслители, оппозиционеры, «отпавшие от святой церкви», а позже — офицеры Белого движения, эмигранты, герои Второй мировой войны и участники «Сопrotивления»? Мало того что в каждом текла частица чаадаевской татарской крови, так ведь большинство этих людей тесно связано с тульским краем, о чем знают далеко не все.

Вся литература о происхождении Толстых отталкивается от их же челобитной, на основе которой первый граф Толстой (Петр Андреевич) 30 августа 1725 удостоился диплома: «...прародитель именован <орфография современная.— М. М.> Гендрих, происшедший из древней благородной и знатной фамилии из Германии, в лето 1532...» и т. д. [11]. Все это чепуха, стоящая внимания разве что подавляющего большинства населения. Ученый мир к большинству не относится, а поэтому никем не опровергнутая ложь всяких «Бархатных книг» и позднейших вставок в них (в том числе в «Никоновскую летопись» насчет даты рождения Тулы) в угоду временщикам считается истинной, которую, скажем просто, неохота разоблачать. Царский генеалог и беллетрист П. Н. Петров не побоялся указать довольно опасное для русской знати восточное происхождение Толстых [12], ибо пресловутый оним Индрис идентичен географическому термину Тенгри (им плотно занимался ориенталист Э. М. Мурзаев [13]). Специально для ответа на вопрос о Толстых Петр Николаевич Петров уделит время медиевистике и разгромил на корню все рассказы об их фламандском происхождении. Он не побоялся самого графа Льва Николаевича, который живо интересовался графами Фламандскими. Да что там Льва? Петров опубликовал свою версию в эпоху всесилья «министра народного помрачения» (Щедрин) графа Дмитрия Андреевича Толстого, и тот... промолчал. Зато много позже нелепую фламандскую теорию возродили кое-какие современные искатели приключений, чтоб за казенный счет побывать в Европах, и с их подачи европейский вариант легко утвердился.

Вот так на тульской земле переплелось родство лучших сынов отечества, не понятых этим отечеством: декабристов, философов, яснополянского бунтаря... Одно дело — демонстрировать оружейный оплот для батюшки-царя, иное — скрывать и прятать бессмертный духовный антипод всем этим официальным «оплотам».

Источники:

1. Б. Н. Тарасов. Чаадаев.— М.: Мол. Гвардия, 1990.— (ЖЗЛ).
2. С. Б. Веселовский. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии.— М.: Наука, 1979.— С. 348.
3. Б.-О. Унбегаун. Русские фамилии / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. Б. А. Успенского.— Изд. 2-е, испр.— М.: Изд. группа «Прогресс», 1995.— С. 293.
4. Князя Чегодаевы (Чагадаевы) // Дворянские роды Российской империи: Т. III: Князя / Под ред. С. В. Думина.— М.: Ликоминвест, 1996.— С. 194—196.
5. В. А. Никонов. Словарь русских фамилий / Сост. Е. Л. Крушельницкий.— М.: «Школа-Пресс», 1993.— С. 153.

6. Ю. А. Федосюк. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь.— 3-е изд., испр. и доп.— М.: Русские словари, 1996.— С. 243.
7. Декабристы: биографический справочник / Изд. подг. С. В. Мироненко; под общ. ред. академика М. В. Нечкиной.— М.: Наука, 1988.— С. 128.
8. С. Б. Веселовский. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии.— М.: Наука, 1979.— С. 218.
9. Дело А. Г. Непенина // Восстание декабристов: Документы. Том XX: Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии / Под ред. члена-корреспондента РАН А. Н. Сахарова.— М.: «РОССПЭН», 2001.— С. 205—213.
10. Тульский биографический словарь: новая реальность / Гл. ред. и сост. М. В. Майоров: [В 4 т.].— М.: «Минувшее», 2016—2018.
11. М. В. Майоров. Индрис / Тенгри / Леонтий (ономатологическая версия) // Ономастика. Лингвокраеведение. Методика: Межвузовский сборник научных трудов (к 60-летию Т. В. Майоровой).— Тула: ООО «Астея Плюс», 2007.— С. 36.
12. П. Н. Петров. История родов русского дворянства: В 2 кн. Кн. 2.— М.: Современник; Лексика, 1991.— С. 157—166.
13. Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов.— Изд. 2-е, перераб. и доп.: В 2-х т. Т. 2: Справочник.— М.: Картгеоцентр—Геодезиздат, 1999.— С. 241—242.

